

Я не ведьма, я в МФЦ работаю!

Татьяна Лив

Татьяна Лив

Я не ведьма, я в МФЦ работаю!

«Автор»

2026

Лив Т.

Я не ведьма, я в МФЦ работаю! / Т. Лив — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Липецк — город, где трубы поют «ля», эльфы ругаются на экологию, а магия бессильна перед обеденным перерывом. Татьяна Петровна Коржикова — ведущий специалист МФЦ и обладательница семидесяти килограммов железобетонного спокойствия. В её окне 26 тролли регистрируют стихи о бетономешалках, а домовые качают права. Таша не пьет молодильную воду: зачем ей снова становиться двадцатилетней, если сейчас у неё есть ипотека, бесценный опыт и любимый кардиган? Но когда из крана начинает капать синяя светящаяся жуть, а кот Файл принимается язвительно комментировать её личную жизнь — становится не до эклеров. Древний Источник прорвал коммуникации. Теперь Липецку грозит «омоложение» до состояния первобытного леса прямо посреди рабочего дня. В компании сурового инженера Семёна, вооруженного синей изолентой, Таша берется за спасение города. Ведь если магия нарушает законы физики, её нужно заставить соблюдать регламент! Бытовое фэнтези с повышенным содержанием иронии и углеводов.

© Лив Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ПРИЁМ ГРАЖДАН» Глава 1. «Окно номер двадцать шесть открывается в восемь ноль-ноль»	5
Глава 2. Заявление по форме 7-М, подпункт Ж — жалоба	11
Глава 3. «Горводоканал предупреждает»	16
Глава 4. «Кот заговорил — день не задался»	22
Глава 5. «Совещание, которое всё изменило»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Я не ведьма, я в МФЦ работаю!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «ПРИЁМ ГРАЖДАН»

Глава 1. «Окно номер двадцать шесть открывается в восемь нуль-нуль»

Глава 1. «Окно номер двадцать шесть открывается в восемь нуль-нуль»

Будильник зазвенел в шесть утра.

— Мяу, — сказал Файл, приземляясь Таше на грудь.

— Я знаю, — пробормотала она, не открывая глаз. — Завтрак. Сейчас.

— Мяу, — повторил кот, настойчивее.

— Файл, ты вешишь три кило. Почему давишь на меня на все двадцать?

Кот не ответил. Просто сел поудобнее и начал мурлыкать — вибрация проходила через рёбра, как маленькое землетрясение. Его когти начали впиваться в кожу, стало неприятно. Таша вздохнула, спихнула его и села. Нашарила тапки, левый нашёлся сразу, правый прятался под кроватью — как обычно.

В ванной она задела бедром дверной косяк.

— Черт! Больно. — морщась, сказала Таша и потерла место удара рукой.

Квартира вроде нормальная, но по утрам мебель словно сдвигалась ближе, возможно из-за личной неприязни.

Встав перед зеркалом Таша посмотрела на себя.

— Нормально всё, — сообщила она зеркалу. — Лицо на месте. Подбородок... тоже на месте. Семьдесят кило запаса прочности. Пока эльфы падают в обморок от запаха шаурмы, я могу отработать два приёма и не сдохнуть.

Двадцать лет назад бурильщики НЛМК случайно вскрыли древний подземный источник. Искали воду для цехов, а нашли жидкую магию. Вода оказалась омолаживающей, из-за неё Липецк мутировал из города металлургов в магическую столицу, население перевалило за миллион, а в город набегали эльфы, гномы, тролли и прочие граждане с нестандартным метаболизмом из параллельных щелей, из-за прорыва каких-то там тонких материй.

Таша эту воду принципиально не пила.

— Мне и так хорошо, — сказала она отражению. — В двадцать я была дурой в неудобных джинсах. В тридцать четыре у меня кардиган с карманами и стабильная психика. Зачем мне обратно?

Зеркало не спорило.

На кухне Файл сидел у миски с видом политзаключённого.

— Не смотри на меня так, — Таша насыпала корм. — Ты ешь лучше, чем половина моих посетителей.

Завтрак у Саши был не очень большой и состоял из чая, двух бутербродов с сыром и яблоко. Первый бутерброд — разведка. Второй — спецоперация. Его она завернула и сунула в карман кардигана.

На подоконнике стояли три кактуса, Иванов, Петров и Сидоров. Сидоров опять завалился набок.

— Сидоров, соберись! В понедельник всем тяжело.

Из крана капнуло и капля была голубоватой. Таша не обратила на это внимание, так как уже опаздывала..

На остановке у автостанции «Сокол» былолюдно. Подошла 324-я маршрутка и дверь открылась.

— Нет, — сказала сама себе Таша.

Внутри было месиво из эльфийских тубусов, арф и веток в горшках. Где-то в глубине салона тихо страдала женщина с лицом человека, который давно примирился со смертью.

— Я женщина компактных моральных принципов, — пробормотала Таша, отступая, — но не до такой же степени.

Подошёл 315-й. Почти пустой. Кайф. Таша села у окна.

Мимо поплыл Хлебозавод, из которого запахло булками.

— Издеваются, — буркнула она. — Весь город печёт назло моей фигуре.

Педагогический университет, с вечно толпящимися студентами на остановке. Площадь Революции. Пробка у площади Победы. На своей остановке Таша вышла и посмотрела на здание МФЦ.

Проспект Победы, ба. Стекланный, большой. С дурацким пандусом. Место, где регламент победил здравый смысл и заставил его расписаться в получении копии.

Таша любила это место, по-своему.

У входа стоял Руслан Ибрагимович- бывший борец, а ныне наш охранник. Увидев Вашу, кивнул. Таша кивнула в ответ. Ритуал соблюлён.

— Коржикова! — прилетело сверху. Зарина Маратовна Кац стояла на лестнице, маленькая и прямая, как восклицательный знак.

— Доброе утро, Зарина Маратовна.

— Для кого доброе? Планёрка через минуту. И где Ворон?

— Не видела.

— Если он опять снимает тикток на парковке, я его уволю.

— Вы это каждый понедельник говорите.

— И каждый понедельник жалею, что не сделала этого в пятницу. Марш в переговорку.

В переговорке уже сидели: Нина Павловна Сушкова — тихая, серая, разговаривала с пустым стулом рядом; две девочки-стажёрки — испуганно тарасились, несколько коллег из соседних окон.

Лёха Ворон влетел последним. Кеды, телефон, виноватая улыбка.

— Ворон, — Зарина даже не повернулась. — Опять опоздал. Причина?

— Зарина Маратовна, там на парковке орк паркует грузовик и у него не работает поворотник, я просто...

— Снимал тикток?

— Нет! Ну... частично. Но там реально смешной орк. Он пытался объяснить инспектору, что у орков поворотники не предусмотрены.

— Ворон, если я ещё раз увижу твой телефон в рабочее время, я скормлю его домовому.

— Василий Петрович не ест электронику, — робко возразил Лёха.

— Значит, скормлю тебя.

Лёха открыл было рот...помолчал и закрыл обратно. Зарина раскрыла ежедневник.

— Так. Сегодня. Окна один-пятнадцать — обычный приём, ничего сложного. Окна шестнадцать-двадцать — Ворон, у тебя перерегистрация партии гномов с НЛМК, не напутай с фамилиями, у них все через «зад» и это не оскорбление, а родовое имя.

— Я знаю, — кивнул Лёха

— Знаешь, но в прошлый раз написал «Железнозадов» через «о». Бронк чуть стол не перевернул.

— Это была опечатка!

— Опечатка стоила нам новой столешницы. Дальше. Нина Павловна, окно двадцать четыре, у вас три призрака на приём, один хочет оформить завещание посмертно.

— Он уже в коридоре ждёт, — тихо сказала Нина Павловна. — Нервничает. Говорит, при жизни в очереди насиделся, не хочет и после смерти.

— Понимаю его. Коржикова, окно двадцать шесть, у тебя... — Зарина заглянула в список и вздохнула, — Глыба.

— Опять?

— Опять. Со стихами.

— Господи.

— И ещё. В подвале трубы гудят. Синий конденсат на полу, домовой жалуется. Горводоканал обещал прислать инженера. Как появится — спустишься с ним, составишь акт.

— Почему я?

— Потому что ты единственная, кто не паникует при виде коммунальных аварий и сантехников. Вопросы? Вопросов нет. Работаем.

Нина Павловна задержала Ташу у двери.

— Танечка, — шепнула она, — призрак из подвала говорит, что трубы ночью пели.

— Что пели?

— Он не разобрал. Но говорит, фальшивили.

— Спасибо, Нина Павловна.

— Ещё он говорит, что вода в подвале стала синей и пахнет как в санатории. Но он умер в шестьдесят первом, так что его обоняние... спорное.

Окно двадцать шесть. Самое дальнее. «Сложные случаи». Коллеги называли ее окно по разному: «ад», «цирк», «окно судного дня», «Коржикова, ты святая». Сама Таша называла просто – работа. На столе все лежало ровно: бланки, печать, степлер, лягушка из фарфора, кружка «Спокойствие. Только спокойствие. И копия паспорта». В кресле для посетителей действительно уже сидел тролль Глыба.

Огромный. Серый. В оранжевом жилете грузчика.

— Здравствуйте, Глыба. Что оформляем?

— Татьяна Петровна, — монитор дрогнул от его голоса. — Авторское право. На стихи.

— Стихи?

— На бетономешалку. Это поэма, лирическая.

— Покажите. — Таша моргнула, вздохнула, но виду не подавала.

Глыба протянул тетрадь. На обложке крупными буквами значилось: «Поэма о любви к бетономешалке. Посвящается всем, кто крутится».

Таша открыла.

— «Твой барабан, как сердце стройки, стучит в цементной тишине...» — она кашлянула. — Ага.

— Там дальше лучше. Про арматуру как символ внутреннего стержня. — смущенно сказал Глыба.

— Верю. Глыба, проблема в том, что по закону двенадцатого года у троллей ограниченная творческая правоспособность.

— Это дискриминация, — обиделся Глыба.

— Это правовая коллизия. Но мы попробуем её обойти.

— Как?

— Ваша поэма описывает рабочий процесс бетономешалки?

— Ну... там щебень, цемент, вращение, усталость смены и один очень сильный образ раствора как брака по любви.

— Отлично. Тогда оформим как методический материал производственного назначения с элементами художественного осмысления трудового процесса. Форма 14-Б. На методички ограничений по расам нет.

— Это... можно?

— Можно всё, если знать, какой бланк подсунуть.

За спиной Таши что-то зашуршало. Из-за архивного шкафа высунулась лохматая рука и аккуратно положила на край стола пожелтевший листок.

— Василий Петрович, — не оборачиваясь, сказала Таша. — Спасибо.

— Случайно нашёл, Татьяна Петровна, — раздался из-за шкафа сиплый голосок. — Совершенно случайно. Лежал тут с две тысячи четырнадцатого года, никто не брал.

Таша посмотрела на листок. Подзаконный акт о расширении категорий творческой деятельности для нечеловеческих рас. Именно то, что нужно.

— Василий Петрович, вы — сокровище.

— Я домовой, — проворчал голос. — Но от печеньки не откажусь. Потом оставь на подоконнике. Овсяную. Только не шоколадную, от шоколадной у меня изжога.

Глыба наблюдал за этим с открытым ртом.

— Это... нормально? — спросил он.

— Для окна двадцать шесть — абсолютно, — кивнула Таша. — Подпись ставьте здесь, здесь и здесь.

Глыба взял ручку двумя пальцами и вдруг замер.

— Татьяна Петровна.

— Да?

— Вы необыкновенная женщина.

— Не начинайте, — предупредила строго Таша.

— Надёжная. Как кран. Башенный. В смысле... значительная.

Таша подняла глаза от клавиатуры.

— Глыба, я сейчас запишу вас в категорию социально опасных романтиков.

— Простите.

— Пишите заявление.

В обед Таша забилась в подсобку с контейнером пасты. Единственное место, где можно спокойно поесть. Если повезёт.

Не повезло.

Дверь приоткрылась. В щель просунулся телефон, а за ним — физиономия Лёхи.

— Таша, ты так аппетитно ешь! — весело сказал Леха. — Мне подписчики за такой контент доплатят.

— Лёха, я тебя уволю.

— Ты не можешь, ты мне не начальник.

— Я скажу Зарине, что ты вчера напечатал «Эльриэль» через «е».

Лёха побледнел.

— Ты не посмеешь.

— Посмею. Она тебя за «Железнозадова» через «о» чуть не убила. А тут эльфийское имя. Это уже международный скандал.

— Межрасовый.

— Ещё хуже. Закрой дверь с той стороны.

Лёха исчез. Таша вернулась к пасте.

Через минуту в подсобку заглянула Нина Павловна с двумя кружками чая.

— Танечка, я подумала, тебе пригодится. — тихо сказала Нина Павловна.

— Нина Павловна, вы — ангел.

— Ангелов у нас в штате нет. Пока. Хотя Зарина Маратовна подавала заявку. Нина Павловна села рядом и понизила голос.

— Танечка, я серьёзно. Призрак из подвала в панике. Говорит, ночью вода поднялась на два сантиметра и светилась.

— Светилась?

— Голубым. Он испугался, а он уже шестьдесят лет как мёртвый, его не так просто напугать.

— Может, показалось?

— Может. Но Василий Петрович тоже жалуется. Говорит, у него волосы электризуются от того, что в трубах. И ещё...

— Что?

— Домовой говорит, что трубы не просто гудят. Они поют. Тихо, невнятно, но поют.

— Трубы. Поют

— Я передаю, что мне сказали. Верить или нет — дело твоё.

Таша допила чай и посмотрела на часы. Два часа до конца смены. Инженер из Горводоканала так и не появился.

— Ладно. Спасибо, Нина Павловна. Разберёмся.

В пять часов инженер наконец приехал. Селектор на столе Таши щёлкнул.

— Коржикова! — голос Зарины. — Горводоканал прислал человека. Он уже в подвале и уже недоволен. Спрашивает, почему у нас трубы поют. Бросай всё и вниз.

— Иду.

Лестница пахла сыростью и краской, хотя красили три года назад. На пятой ступеньке Таша услышала гул. Низкий, тянущийся, неприятный. Как будто кто-то далеко внизу дул в горлышко гигантской бутылки.

В коридоре подвала блестели на полу голубоватые капли. Таша остановилась. Конденсат был синим.

Из-за двери технического помещения доносились голоса.

— Я вам ещё раз говорю, — звенела Зарина, — если пострадают папки за девятнадцатый год, я выставлю претензию вашему водоканалу до седьмого колена!

— Выставляйте, — ответил мужской голос. Спокойный, низкий. — Только сначала дайте посмотреть, что у вас тут. Я пока вижу трубы семидесятого года, два незаконных отвода и магический фон, от которого у меня ключ в руке искрит.

Таша вошла.

У труб стоял высокий мужчина в куртке «Горводоканала». Рукава закатаны. В одной руке ключ, в другой — моток синей изоляции и пучок пакли. Лицо серьёзное, живое, с морщинами усталости у глаз. Не красавец. Но из тех, на кого хочется посмотреть второй раз.

Он обернулся и окинул Ташу взглядом — быстро, без оценки, просто отметил.

И это почему-то сразу понравилось.

— Татьяна Петровна Коржикова, — представилась она. — Ведущий специалист. Материально ответственное лицо за архив и всё, что в нём не должно петь.

— Семён Семёнович Трубников. Инженер. И у меня для вас плохие новости, Татьяна Петровна.

— Насколько плохие?

Он посмотрел на трубу. С неё медленно стекала синяя капля.

— Это не конденсат. И не просто утечка.

Труба тихо, отчётливо запела на ноте «ля».

Семён вздохнул.

— Покажите вход в архив. Быстро. Пока ваши трубы не решили помолодеть окончательно.

Из МФЦ Таша вышла в семь вечера. Голова гудела.

В подвале всё оказалось хуже, чем думали — Семён полчаса ползал между трубами, хмурился, качал головой и говорил непонятное про «магический осмос» и «аномальное давление в нижнем горизонте». Составили акт. Семён пообещал вернуться завтра с бригадой. Зарина пообещала ему ад, если хоть одна папка пострадает.

Обычный понедельник.

Ноги сами понесли Ташу к гномьей пекарне на углу. Маленькая, тёплая, с низким потолком и запахом, от которого хотелось плакать от счастья.

За прилавком стоял Дори. Гном-пекарь. Борода в муке, фартук в шоколаде, глаза хитрые.

— Татьяна Петровна! Как обычно, три эклера?

— Четыре. День был длинный.

— Четыре — это уже терапия.

— Дори, ты пекарь или психолог?

— В Липецке это одно и то же, — он ловко упаковал эклеры в пакет. — Слышала новость? У Бронка Железнозада лоза Эльриэль опять в окно залезла. Он пришёл ко мне за топором.

— За топором?

— Для лозы. Хотя по его лицу было видно, что и для эльфийки бы сгодился. Я ему продал булочку вместо топора. Сказал, пусть сначала поест и подумает.

— Помогло?

— Нет. Но булочку съел. Значит, день уже не зря.

Таша рассмеялась и пошла домой.

Квартира встретила её тишиной и Файлом на диване. Кот лежал на спине, раскинув лапы, как морская звезда.

— Подвинься.

Файл приоткрыл один глаз. Не подвинулся.

— Ладно, — Таша села рядом, вскрыла пакет и включила сериал.

Эклер первый — снятие стресса. Эклер второй — восстановление справедливости. Эклер третий — награда за выживание в понедельник. Эклер четвёртый... Четвёртый она не доела. День был действительно тяжёлый, поэтому Таша просто уснула.

Файл осторожно подобрался к тарелке, понюхал эклер, фыркнул и отвернулся. Потом повернулся обратно. Лизнул крем. Отвернулся снова. С достоинством.

На кухне капал кран. Тихо, ритмично. Капля за каплей.

Капли были голубыми.

Они падали в раковину и слабо, почти незаметно, светились.

Файл поднял голову. Посмотрел в сторону кухни. Потом на спящую Ташу. Потом снова на кухню.

Отвернулся.

Свернулся клубком.

Уснул.

А кран продолжал капать.

Глава 2. Заявление по форме 7-М, подпункт Ж — жалоба

Глава 2. Заявление по форме 7-М, подпункт Ж — жалоба

Вторник начался как логичное продолжение понедельника — с легким оттенком головной боли и стойким желанием уйти в отпуск. Желательно на необитаемый остров, где нет эльфов, гномов, поющих труб и системы электронной очереди.

Таша сидела в окне номер двадцать шесть, методично раскладывая бланки. Фарфоровая лягушка смотрела на неё с немым сочувствием. В зале ожидания было относительно тихо: Руслан Ибрагимович стоял у входа, скрестив руки на груди, и одного этого вида хватало, чтобы даже самые скандальные посетители переходили на уважительный полусшепот.

Ровно в восемь пятнадцать к стойке подошла Эльриэль дочь Ветра.

Эльфийке было триста сорок лет, но выглядела она так, будто только что сошла с обложки журнала по эко-дизайну. Высокая, невыносимо стройная, в платье из струящейся ткани цвета утреннего тумана. От неё пахло росой, луговыми травами и абсолютным, непоколебимым превосходством. В Эльфийской слободе на Соколе она считалась кем-то вроде председателя негласного ТСЖ, хотя сама предпочитала титул Хранительницы Гармонии.

У Таши на этот счет было свое мнение. Она считала Эльриэль главным спонсором потребления валерьянки в МФЦ.

— Доброе утро, Эльриэль, — вежливо сказала Таша. — Что у нас сегодня? Снова выбросы НЛМК нарушают прозрачность вашей ауры?

Эльфийка грациозно опустилась в кресло для посетителей. Кресло даже не скрипнуло. Когда в него садилась Таша, оно обычно издавало звук, полный смирения перед неизбежным.

— НЛМК — это глобальная трагедия, Коржикова, — мелодично, но с металлом в голосе произнесла Эльриэль. — Но сегодня я пришла по поводу локальной катастрофы. Я хочу подать жалобу. По форме 7-М. Подпункт Ж.

Таша внутренне подобралась. Подпункт Ж означал Нарушение условий межрасового соседства, повлекшее материальный или моральный ущерб. Серьезная бумага.

— Кто ответчик? — Таша придвинула к себе клавиатуру.

— Это невыносимое, неотесанное, бородатое недоразумение, которое по какой-то злой насмешке судьбы администрация города поселила на моем этаже. Бронк Железнозад.

Таша вздохнула. Конфликт между утонченной эльфийкой и суровым гномом-металлургом, которым «повезло» стать соседями по лестничной клетке в рамках программы расселения, был легендой всего Сокола.

— Что Бронк сделал на этот раз? — спросила Таша, открывая форму.

— Он устроил кузню! В подвале нашего дома! — глаза Эльриэль сверкнули праведным гневом. — Я закрывала глаза на то, что он варит свой тошнотворный эль, от которого в подъезде пахнет жженым солодом и старыми сапогами. Я терпела, когда он пел застольные гномьи песни. Но кузня? Мой пол вибрирует. Мои хрустальные вазы семнадцатого века, пережившие две эпохи и одно вторжение гоблинов, трескаются от резонанса!

Эльриэль изящно взмахнула рукой.

— Этот город деградирует, Коржикова. Культура в упадке. И этот Бронк нарочно стучит своим молотом именно тогда, когда я медитирую и пытаюсь соединиться с потоками Вселенной!

Таша перестала печатать и посмотрела на эльфийку поверх очков.

— Эльриэль. Вы медитируете с трех до пяти утра. Бронк, насколько мне известно из его графика смен, начинает стучать в шесть. Это разные временные слоты.

— Моя аура очень чувствительна! — возмутилась эльфийка. — Она настраивается часами! Он сбивает мне послекусие от медитации! Коржикова, ты вообще на чьей стороне? Ты должна понимать меня как женщина, стремящаяся к гармонии.

Таша мысленно оценила свою гармонию. С утра она состояла из двух бутербродов с докторской колбасой и понимания, что до обеда еще четыре часа.

— Я на стороне регламента, Эльриэль, — подумав, спокойно ответила Таша. — У регламента нет расы, пола и ауры. Вы хотите зафиксировать материальный ущерб вазам?

Эльфийка открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Входная дверь МФЦ распахнулась с такой силой, что Руслан Ибрагимович угрожающе шагнул вперед. В зал ожидания ввалился Бронк Железнодорожник.

Метр двадцать роста, ширина в плечах примерно такая же. Борода заплетена в три тугие косы, на концах которых болтались тяжелые стальные кольца. Бронк был красен лицом, тяжело дышал и выглядел так, будто готов прямо сейчас пойти на штурм вражеской крепости.

— Апчхи! — громыхнул гном на весь зал. Стекла в окнах жалобно звякнули.

Бронк вытер нос огромным клетчатым платком, заметил у окна номер двадцать шесть знакомую фигуру в струящемся платье и рванул туда, как бронепоезд.

— Ага! Вот ты где, ушастая катастрофа! — взревел он, останавливаясь рядом с креслом Эльриэль. — Татьяна Петровна! Я пишу жалобу! Срочную!

Эльриэль брезгливо поморщилась и отодвинулась, прижав к лицу надушенный батистовый платочек.

— Бронк, от тебя несет серой. И ты нарушаешь мое личное пространство.

— Я тебе сейчас твоё пространство в узел завяжу! — Бронк ударил кулаком по столу Таши. Лягушка подпрыгнула. — Татьяна Петровна, вы посмотрите на меня! Посмотрите на мои глаза!

Таша посмотрела. Глаза гнома были красными, слезились и выглядели откровенно несчастными.

— Что случилось, Бронк? — спросила она.

— Аллергия! — трагически выкрикнул гном. — У меня! У потомка рода Железнодорожников, воинов Подгорного Трона, мастеров горного хрусталя и адамантия — аллергия на цветочки!

Он ткнул коротким толстым пальцем в сторону эльфийки.

— Эта любительница флоры заплела весь мой балкон своей проклятой эльфийской лозой! И мало того, что она лезет мне в вытяжку, так она сегодня ночью зацвела!

Эльриэль гордо вскинула подбородок.

— Это Серебристая Лоза Пробуждения. Она цветет раз в десять лет. Это величайшая редкость. Ты должен быть благодарен, что можешь созерцать такое чудо природы.

— Я им дышу, а не созерцаю! — Бронк снова оглушительно чихнул. — Я из-за твоей лозы сегодня утром чихнул так, что расплавил щипцы в горне! Она лезет мне в окна! Она пахнет как парфюмерная фабрика, которая взорвалась! Я требую муниципальной вырубki!

— Только тронь мою лозу своим немытым топором, подземный крот! — эльфийка вскочила с кресла. Её спокойствие испарилось.

— А то что? Натравишь на меня бабочек? — Бронк упер руки в бока.

Они стояли друг напротив друга — высоченная изящная эльфийка и квадратный разъяренный гном. Искры летали такие, что казалось, сейчас загорятся бланки на столе.

Таша сидела ровно. Внутри неё боролись два чувства: профессиональная усталость и чисто человеческое веселье. Она давно подозревала, что эта вражда — единственное, что вносит краски в их долгую жизнь. Им просто нравилось ругаться.

Где-то сбоку мелькнула тень. Таша скосила глаза и увидела Лёху Ворона. Специалист по нелюдям наполовину высунулся из-за своей стойки и увлеченно снимал перепалку на телефон.

— Ворон, убери камеру, — одними губами артикулировала Таша.

Лёха помотал головой и показал большой палец. Контент был огненный.

Руслан Ибрагимович тем временем неслышно подошел сзади и навис над спорщиками, как скала. Он ничего не делал. Он просто присутствовал. Но плотность воздуха вокруг него заметно возросла.

— Я залью твою кузню бетоном! — шипела Эльриэль.

— Я скормлю твою лозу своему ездовому барану! — рычал Бронк.

— Что за цирк?!

Голос Зарины Маратовны ударил по залу ожидания хлестче любого заклинания тишины.

Начальница МФЦ стояла в проходе. Руки на бедрах, спина прямая, взгляд такой, что даже Руслан Ибрагимович инстинктивно втянул живот.

Эльриэль и Бронк замерли.

— Вы находитесь в государственном учреждении, — ледяным тоном произнесла Зарина. — Здесь люди и нелюди оформляют документы. Если у вас избыток энергии, я могу выдать вам метлы, и вы пойдете чистить парковку.

Эльфийка поправила складки платья и приняла независимый вид. Бронк кашлянул в кулак и спрятал платок.

— Коржикова, — Зарина перевела взгляд на Ташу. — Оформить обе жалобы. Пустить по инстанциям. Срок рассмотрения — тридцать дней. Пусть ждут. А вы двое, — она посмотрела на спорщиков, — если я еще раз услышу крики в моем зале, я лично аннулирую ваши виды на жительство.

Зарина развернулась и ушла к себе в кабинет.

Бронк и Эльриэль молча проводили её взглядом.

— Суровая женщина, — с уважением пробормотал гном. — Из неё бы вышел отличный бригадир.

— Единственное, в чем я с тобой согласна, — тихо ответила эльфийка.

Таша распечатала два бланка.

— Подписи здесь и здесь. Экспертиза придет в течение двух недель. До этого момента лозу не рубить, кузню ночью не разжигать. Вопросы есть?

Они молча расписались. Бронк, уходя, шмыгнул носом. Эльриэль, уходя, гордо вскинула голову, но почему-то пошла к тому же выходу и в том же темпе, что и гном. Таша видела в окно, как они вместе пошли к автобусной остановке, продолжая о чем-то яростно спорить.

День покатился по привычным рельсам.

В одиннадцать пришла старушка-оборотень оформлять справку о смене формы. Документ назывался «Уведомление о периодической трансформации физического облика» и занимал четыре страницы мелким шрифтом. Старушка жаловалась, что в полнолуние у неё отращивает хвост и соседи вызывают отлов бродячих животных.

— Милая, ты не представляешь, каково это, — жаловалась она, пока Таша заполняла графы. — Просыпаешься на газоне в чужом дворе, голая, хвост ещё не убрался, а тут дворник с метлой и крик «опять эта бешеная!»

— Вам нужно зарегистрировать график трансформаций, — терпеливо объяснила Таша. — Тогда участковый будет предупреждён, и отлов вызывать не станут.

— А если я сама не знаю свой график? Иногда хвост вылезает не в полнолуние, а просто когда я нервничаю. Вот вчера в очереди за хлебом разволновалась — и здравствуйте, пушистый сюрприз.

— Тогда оформим расширенное уведомление. С пометкой «возможны внеплановые трансформации».

— Это дороже?

— Это бесплатно. Но бланк длиннее.

Старушка вздохнула, достала из сумки очки в толстой оправе и приготовилась заполнять шесть страниц вместо четырёх.

В двенадцать забежал курьер-полурослик, перепутавший этажи. Искал нотариуса, а попал в окно двадцать шесть. Таша перенаправила его, попутно объяснив, что нотариус на третьем этаже, а не на втором, и что лифт сегодня работает только для кентавров, потому что обычный сломался, а грузовой занят.

— А пешком? — спросил полурослик.

— Пешком — всегда пожалуйста. Лестница бесплатная и круглосуточная.

Полурослик убежал. Таша допила остывший кофе из автомата. Кофе, кстати, опять был подозрительно вкусным. Второй день подряд. Либо автомат починили, либо в водопроводе действительно что-то изменилось.

После обеда к столу подошла Нина Павловна. У неё был вид человека, который знает тайну, но не уверен, стоит ли ею делиться.

— Танечка, — Нина Павловна присела на краешек кресла посетителя. — Семихватов снова беспокоится.

Семихватов был тем самым призраком из подвала.

— Трубы всё еще поют? — спросила Таша, делая пометку в журнале. Вчерашний инженер из Горводоканала, Семён Семёнович, так и не выходил у неё из головы. Было в нем что-то основательное. Он сказал, что трубы начали молодеть, и обещал вернуться с бригадой.

— Нет, трубы замолкли, — Нина Павловна поежилась. — Но теперь он слышит гул. Глубоко под землей. Как будто работает огромный мотор. Или как будто кто-то очень большой... дышит.

Таша покрутила в руках ручку.

— Нина Павловна, под нами ветка метро. И новый коллектор НЛМК. Там постоянно что-то гудит.

— Семихватов жил здесь, когда метро еще в помине не было, Танечка. Он знает, как звучит земля. Он говорит, этот гул... живой. И Василий Петрович сегодня весь день сидит на верхнем шкафу в архиве и отказывается спускаться. Говорит, пол слишком теплый.

Таша нахмурилась. Синий конденсат, теплый пол, живой гул. Картинка складывалась странная и тревожная.

— Я передам это инженеру, когда он придет, — пообещала Таша. — Не волнуйтесь.

Смена закончилась ровно в шесть.

Лёха заглянул к ней перед уходом.

— Таш, видео с Бронком и Эльриэль набрало восемь тысяч просмотров.

— Лёха.

— Я знаю, знаю. Но там в комментариях пишут, что они идеальная пара.

— Если ты покажешь это Бронку, он тебя в кувалду закатает.

— А если Эльриэль?

— Она тебя в лозу вплетёт. Живьём.

Лёха задумался и ушёл. Но телефон не убрал. Таша закрыла окно номер двадцать шесть, попрощалась с Русланом и вышла в прохладный липецкий вечер.

Дома было тихо. Файл встретил её у порога стандартным набором претензий: миска пуста, лоток убран недостаточно идеально, хозяйка пахнет чужими котами.

— Я пахну бумагой и нервотрепкой, — ответила Таша, снимая туфли. Ноги гудели.

После легкого ужина (салат, потому что после вчерашних четырех эклеров совесть все-таки проснулась) Таша пошла в ванную.

Включила воду. Выдавила пасту на щетку.

Посмотрела в зеркало.

Ванная комната была маленькой, светлой и безжалостной. Здесь нельзя было спрятаться за широким рабочим столом или профессиональным авторитетом. Здесь ты оставался один на один с собой.

Таша вздохнула и посмотрела на напольные весы, стоящие в углу. Весы ответили ей холодным блеском электронного табло.

Внутренний монолог начался привычно, как заезженная пластинка.

Тридцать четыре года. Не замужем. Кота зовут в честь канцелярской принадлежности.

И вес

Шестьдесят восемь килограммов. Или семьдесят. Весы в её ванной были отдельной магической аномалией Липецка. Они ввали с таким упорством, что Таша однажды провела научный эксперимент. Она встала на весы сама. Потом встала на весы, держа на руках Файла. Разница составила пять килограммов.

Файл весил три.

Куда делись еще два килограмма? Этот вопрос мучил Ташу уже месяц. То ли кот умел утяжелять себя силой презрения, то ли физика окончательно капитулировала перед липецким магическим фоном. Загадка мироздания.

Таша сплюнула пену и прополоскала рот.

Вода показалась ей странной.

Она сделала еще один глоток из-под крана и замерла, прислушиваясь к ощущениям.

Липецкая вода всегда отдавала хлоркой и железом. Это был вкус её детства, вкус стабильности. Но сейчас хлорки не было.

Вода была... сладковатой. Свежей. С легким привкусом чего-то неуловимо знакомого, словно в стакан бросили каплю березового сока или цветочного меда.

Таша выключила кран. Посмотрела на гусак смесителя.

Вчера вечером капля была голубой. Сегодня у воды изменился вкус.

— Показалось, — вслух сказала она. — Горводоканал просто сменил реагенты.

Но где-то внутри, в той самой части души, которая всегда безошибочно находила нужный подзаконный акт в стопке макулатуры, шевельнулось липкое, нехорошее предчувствие. То самое предчувствие, которое подсказывало: подпунктом Ж по форме 7-М дело не ограничится.

Таша вытерла лицо полотенцем, выключила свет в ванной и пошла спать.

Файл уже лежал на подушке. На её подушке, разумеется. И делал вид, что так было всегда.

— Подвинься.

Файл приоткрыл один глаз. Не подвинулся.

— Ладно.

Она легла на край кровати, натянула одеяло и уставилась в потолок. Мысли крутились, как барабан в бетономешалке из поэмы Глыбы. Синяя вода. Сладкий привкус. Тёплый пол в подвале. Инженер Трубников с его спокойным голосом и синей изолянтной.

Странный был день. Странный понедельник, странный вторник. Что будет в среду — Таша думать боялась.

Файл тихо замурлыкал. Вибрация прошла через подушку, через матрас, через всю кровать. Привычная, тёплая, надёжная.

— Спасибо, — прошептала Таша.

Файл замурлыкал громче. Может, это было «пожалуйста». А может — «купи нормальный корм». С котами никогда не знаешь.

А глубоко под городом, скрытое тоннами бетона, земли и старых гномьих тоннелей, огромное Сердце Земли сделало еще один, чуть более сильный толчок. Гул разошелся по трубам, заставляя старый чугун мелко вибрировать в такт просыпающейся магии.

Глава 3. «Горводоканал предупреждает»

Глава 3. «Горводоканал предупреждает»

Среда началась с аншлага.

К девяти утра в зале ожидания МФЦ не было ни одного свободного кресла. Очередь тянулась от стойки администратора до самого входа, где Руслан Ибрагимович стоял в позе человека, готового в любой момент перейти от созерцания к силовому регулированию потока граждан. Табло электронной очереди моргало так часто, что казалось, у него нервный тик.

Таша пришла на семь минут раньше обычного — и всё равно опоздала. Зарина Маратовна уже стояла у её окна с видом полководца перед решающей битвой.

— Коржикова, у нас ЧП. С самого утра валят заявления. Тракторный район. Из кранов течёт странная вода.

— Синяя? — Таша вспомнила вчерашний подвал.

— Нет. Сладкая. С голубоватым отливом. Жители в панике. Одна бабушка уже сварила на ней борщ.

— Борщ?

— Борщ. Говорит, свёкла стала как молодая, хрустит. Требуется экспертиза.

Таша села за стол, включила компьютер и приготовилась к бою. Первая посетительница уже протискивалась к окну номер двадцать шесть, расталкивая полуросликов локтями.

Это была суровая пенсионерка в пуховом платке, авоська в её руках была набита банками с чем-то подозрительно фиолетовым. Она прищурилась и посмотрела на бейджик Таши.

— Татьяна Петровна! — пенсионерка грохнула авоську на стойку. Лягушка подпрыгнула. — Вы мне скажите, что у нас из крана льётся?! Я из дома четырнадцать по улице Коммунистической, у нас весь подъезд на ушах стоит!

— Доброе утро. Присядьте, пожалуйста.

— Я постою! Я этой водой борщ сварила! Свёкла, милая моя, свёкла! Она была старая, вялая, я её три дня назад купила на рынке. А после варки — хрустит! Как будто только с грядки!

— Может, просто хорошая свёкла попалась?

— Девушка, я шестьдесят лет борщ варю. Я знаю свою свёклу. Эта свёкла помолодела. И морковь тоже. А картошка стала такой рассыпчатой, что у меня муж покойный из могилы бы встал, чтобы попробовать!

— Послушайте...

— И ещё! Кошка моя, Муська, этой воды попила и вчера мышь поймала! Она три года мышей не ловила! Лежала на батарее как мешок с опилками. А тут — раз! И мышь!

Таша записывала. Свёкла, морковь, картошка, кошка Муська. Омоложение пищевых продуктов и домашних животных посредством водопроводной воды. Форма заявления на такой случай не существовала. Придётся изобретать.

Пока пенсионерка расписывалась в заявлении, к окну подтянулся дедок в кепке и с палочкой. Он терпеливо дождался своей очереди и аккуратно положил на стойку полиэтиленовый пакет. В пакете лежал огурец. Очень странный огурец — ярко-зелёный, блестящий, размером с хорошую скалку.

— Вот, — сказал дедок. — Полил вчера грядку из шланга. Утром вышел — а они такие. Все. Двадцать кустов.

— Это... огурец? — уточнила Таша.

— Был огурец. А сейчас я уж и не знаю. Он за ночь вырос в четыре раза. И пахнет как огурцы в детстве пахли. Помните, как в детстве огурцы пахли?

Таша помнила. Пахло действительно потрясающе — свежестью, землёй, летом.

— Я его откусил, — продолжал дедок. — Вкуснее ничего в жизни не ел. Но испугался. Вдруг отравлюсь магией какой. Пришёл вот, спросить — это нормально?

— Сейчас оформим, — Таша взяла чистый бланк. — Адрес?

— Тракторный, дом девять, участок за домом. Там у меня парник стоит. Вернее, стоял. Огурцы его изнутри порвали.

За пенсионером пришёл его сосед из соседнего дома. У него из крана шла вода с таким же привкусом, а фикус в коридоре за ночь вырос на полметра и пустил корни сквозь линолеум.

За соседом — молодая мама с двойняшками. Дети вчера купались в этой воде, и у обоих за ночь выросли молочные зубы. Заново. Всем зубам по полгода.

— У них же уже были зубы? — осторожно уточнила Таша.

— Были! А теперь новые! Поверх старых! У меня дети как акулята! — молодая мама была на грани истерики. — Стоматолог говорит, такого не бывает. А я говорю — а дети вот они, кусаются в два ряда!

К одиннадцати утра Таша приняла двенадцать заявлений. Тракторный район, Сокол, два обращения из центра. Проблема расплзалась по городу, как варенье по скатерти — неотвратимо и во все стороны. Вода из кранов имела сладковатый привкус и странные свойства: омолаживала продукты, растения, мебель, домашних животных. Кто-то радовался — халявное омоложение, не надо записываться в клинику на полгода вперёд. Кто-то паниковал. Таша относилась ко вторым.

Таша смотрела на стопку заявлений и чувствовала, как где-то между лопаток холодеет. Вчера вечером на Соколе, в её собственной ванной, вода тоже показалась ей странно сладкой.

Зарина Маратовна заглянула к ней в окно.

— Ну что?

— Двенадцать штук. И это только за утро. Звоню в Горводоканал.

— Звони. И скажи им, что если они не пришлют сюда кого-нибудь вменяемого, я поеду к ним лично. С проверкой. И с Русланом Ибрагимовичем.

— Это угроза?

— Это обещание, Коржикова. Звони.

Таша набрала номер Горводоканала. Автоответчик. Музыка. Автоответчик. Снова музыка. На четвёртой минуте ожидания она уже готова была ехать к ним сама, но трубку снял живой человек.

— Горводоканал, отдел магических коммуникаций, Трубников.

— Семён Семёнович? Это Коржикова. МФЦ, проспект Победы.

— А, Татьяна Петровна, — в голосе не было удивления. Только усталость. — Синяя вода?

— Уже не только синяя. Сладкая. И омолаживает свёклу.

— Свёклу?

— Свёклу, морковь, кошку и двух младенцев. У меня двенадцать заявлений за утро. Все Тракторный район, а также парочка из центра

— Понятно, — Семён помолчал. — У нас таких звонков за утро — сорок три. Не только Тракторный. Ещё Сокол и Новоліпецк.

— Новоліпецк? Это же гномий квартал.

— Именно. Гномы пока молчат, но у них из кранов идёт вода, которая полирует металл до зеркального блеска. Они думают, это подарок.

— А это не подарок?

— Это прорыв магического горизонта в городскую водопроводную сеть. Я приеду к вам через час. Заберу заявления и осмотрю ваш подвал ещё раз.

Семён Семёнович Трубников появился в МФЦ ровно через час. Таша увидела его из окна — он шёл через парковку широким, неторопливым шагом человека, который знает, что торопиться бессмысленно, потому что проблема никуда не денется.

Сегодня на нём была та же синяя куртка, но чище, и из нагрудного кармана торчал не пучок пакли, а блокнот. Рукава, впрочем, были закатаны. Таша подозревала, что он их в принципе не опускал.

— Татьяна Петровна, — он кивнул, подходя к окну двадцать шесть. — Заявления готовы?

— Вот, — Таша протянула ему папку. — Двенадцать штук. Рассортированы по адресам. И ещё три пришли, пока вы ехали.

Семён взял папку, пролистал. Читал быстро, но внимательно — не по диагонали, а вникая. Таша заметила это. Она привыкла к людям, которые берут документы и суют их в сумку не глядя. А этот — читал.

— Зубы у младенцев, — он поднял глаза. — Это серьёзно.

— Вы верите?

— Татьяна Петровна, я вчера видел, как чугунная труба семидесятого года на моих глазах превратилась в новую. С заводской маркировкой. Я теперь верю во всё.

Пока он листал, Таша разглядывала его руки. Большие, с мозолями на ладонях, с въевшимся в кожу следом от разводного ключа. На безымянном пальце левой руки — бледная полоска от кольца, которого давно нет. Разведён, машинально отметила Таша. И тут же одёрнула себя. Татьяна Петровна, ты на работе. Ты смотришь на заявления, а не на пальцы инженера. Хотя пальцы тоже ничего, крепкие такие... Они стояли по разные стороны стойки, и Таша вдруг поняла странную вещь: с ним было спокойно. Не потому что он говорил правильные слова или обещал всё починить. А потому что он слушал. По-настоящему слушал, а не ждал, когда она закончит, чтобы вставить своё.

— Мне нужно в ваш подвал, — сказал Семён. — Проверить узел. Вчера я поставил временную заглушку, хочу посмотреть, держит ли.

— Пойдёмте. Я провожу.

Они спустились. В подвале было теплее, чем вчера. И пахло хвоей.

Семён остановился у распределительного узла, присел на корточки и приложил ладонь к трубе. Замер. Прислушался.

Из-за угла архивного стеллажа высунулась лохматая голова.

Семён повернулся.

— О. Привет. Ты тут штатный?

Василий Петрович от неожиданности чуть не свалился с полки. Его редко замечали. Вернее, его почти никто не замечал — домовые умели быть невидимыми, когда хотели. Но этот инженер смотрел прямо на него спокойными серыми глазами.

— Штатный, нештатный... — проворчал домовый, оправившись от удивления. — Я тут с пятьдесят третьего года, мил человек. А ты кто?

— Сантехник, — просто ответил Семён. — Трубы гудят?

— Гудят, — Василий Петрович выбрался из-за стеллажа и подошёл ближе. — И не только трубы. Пол гудит. Стены гудят. Земля гудит. Я тут семьдесят лет живу, всякое слышал. Но такого — никогда.

— Что именно слышите?

— Дыхание, — тихо сказал домовый. — Глубокое. Медленное. Как будто под городом кто-то спит. И ворочается.

Семён молча записал что-то в блокнот. Потом достал из кармана овсяную печенку и положил на край трубы.

— Спасибо за информацию.

Василий Петрович посмотрел на печенку, потом на инженера.

— Ты, мил человек, не так прост, — сказал он одобрительно. — Приходи ещё.

Они поднимались по лестнице молча. Семён шёл впереди, Таша — следом. На узком повороте между первым и вторым этажом им пришлось протискиваться мимо стеллажа с пожарным инвентарём. Семён прошёл легко — он был широкий, но двигался на удивление ловко. Таша зацепила бедром огнетушитель.

— Чёрт, — буркнула она, потирая бок.

— Осторожнее, — Семён обернулся и придержал стеллаж. — Тут тесно.

— Тут нормально. Это я нетесная.

Он посмотрел на неё — странно, без улыбки, но и без той сочувственной мины, которую Таша ненавидела больше всего. Просто посмотрел.

— Огнетушитель криво стоит, — сказал он. — Я поправлю.

И поправил. Молча. Без комментариев. Без «ну что вы, вы совсем не толстая» и прочей ерунды, которую люди считают уместной. Просто поправил огнетушитель и пошёл дальше.

Таша стояла секунду, глядя ему в спину. Потом тряхнула головой и пошла следом.

Нормальный мужик, подумала она. Просто нормальный мужик. Не комментирует, не оценивает, не утешает. Чинит то, что криво стоит, и идёт дальше. Господи, как мало надо для счастья.

— Татьяна Петровна, — Семён остановился у двери. — У вас на Соколе трубы менять надо. Они старые, советские.

— У нас на Соколе всё советское, — ответила Таша. — Люди тоже.

— Люди-то ладно. А вот трубы...

Он не договорил. Кивнул и вышел.

Таша стояла у двери и смотрела ему вслед. Он шёл к служебной машине — старому белому «уазику» с надписью «Горводоканал» на борту. Сел. Завёл мотор. Уехал.

— О-о-о! — раздалось за спиной.

Таша обернулась. Лёха Ворон стоял в трёх шагах с телефоном наготове и улыбкой шириной в проспект Победы.

— Лёха, — Таша сощурилась. — Мне тяжело бегать. Но я тебя догоню.

— Я ничего не говорю!

— Ты снимаешь.

— Я проверяю фокус камеры! На архитектуре здания! — Лёха спрятал телефон за спину. — Таш, ну чего ты? Нормальный мужик. Серьёзный. И печенюку домовому оставил. Это, между прочим, признак хорошего воспитания.

— Лёха, иди работай.

— Уже иду. Но ты подумай.

— О чём?

— О том, что у него изолента синяя. А у тебя глаза карие. Красивое сочетание.

Таша молча развернулась и пошла обедать. Лёха, судя по звуку, побежал в противоположную сторону. Правильно побежал.

Остаток дня прошёл в режиме непрерывного приёма. Заявления шли потоком — вода, вода, вода. Сладкая, голубоватая, омолаживающая.

В три часа пришла Эльриэль. Без жалобы. Просто пришла.

— Коржикова, — она села в кресло и сложила руки на коленях. — У меня лоза за ночь выросла ещё на метр. Она оплела весь балкон Бронка и начала заползать на крышу.

— Вы пришли подать ещё одну жалобу?

— Нет. Я пришла спросить — это нормально? Серебристая Лоза растёт медленно. Сантиметр в год. А тут — метр за ночь. Это неправильно, Коржикова. Даже для магического города.

Таша посмотрела на эльфийку. Впервые за все их знакомство Эльриэль выглядела не раздражённой и не надменной. Она выглядела встревоженной.

— Бронк знает? — спросила Таша.

— Бронк чихает, — Эльриэль поморщилась. — Но он тоже заметил. Сказал, что его молот сегодня утром стал легче. Как будто потерял вес. И сталь в горне плавится быстрее обычного.

— Вы разговариваете с Бронком? — удивилась Таша.

— Мы живём на одной лестничной клетке, Коржикова. Иногда приходится. В лифте, например. Или когда его баран жрёт мою петунию.

— У Бронка есть баран?

— Ездовой. Он держит его на балконе. Но это не важно. Важно то, что земля дрожит. Я чувствую. Три ночи подряд. И лоза чувствует — она тянется вниз, к земле, а не вверх, к солнцу. Как будто ищет что-то.

Таша записала. Лоза, молот, баран, дрожь земли. Ещё одна деталь в мозаику, которая складывалась во что-то большое и пугающее.

— Спасибо, Эльриэль. Я передам инженеру.

— Какому инженеру?

— Из Горводоканала. Он занимается проблемой.

Эльфийка встала, поправила платье и посмотрела на Ташу сверху вниз. Но не свысока — а просто потому что была на голову выше.

— Коржикова, — сказала она. — Ты хороший человек. Для человека.

— Спасибо, Эльриэль. Для эльфийки вы тоже ничего.

Эльриэль фыркнула и ушла.

Зарина Маратовна дважды звонила в администрацию города и один раз — лично губернатору. Губернатор не ответил. Его секретарь сказал, что ситуация под контролем.

— Под контролем у них, — процедила Зарина Маратовна. — Как же. У меня стеллаж почками покрылся, а у них под контролем.

Нина Павловна принесла Таше чай в четыре часа и сообщила, что Семихватов из подвала слышит уже не просто гул, а ритм. Как сердцебиение.

— Танечка, — Нина Павловна понизила голос до шёпота. — Я сама спускалась. Приложила руку к стене. И знаешь что?

— Что?

— Тёплая. Стена тёплая. И пульсирует. Слабо-слабо, но пульсирует. Как живая.

Таша потёрла виски. Голова гудела.

Вечером она вышла из МФЦ в половине восьмого. Ноги болели. Мысли крутились вокруг синей воды, молодой свёклы и серьёзных серых глаз инженера Трубникова.

Дома Файл встретил её привычным «мяу» и проводил на кухню, где демонстративно сел у миски. Таша насыпала корм, налила себе чай и замерла.

Вода из крана была определённо сладкой. Не слегка, не с привкусом — сладкой. Как компот. Как берёзовый сок. Как что-то живое и древнее, что не должно течь из ржавого смесителя в кухне панельной пятиэтажки на Соколе.

Файл попил воды из своей миски, поднял голову и посмотрел на Ташу. В его кошачьих глазах читалось что-то новое. Не привычное «корм, лоток, почешу за ухом». А что-то вроде: «Ты тоже чувствуешь, что происходит какая-то фигня?»

— Да, Файл, — сказала Таша. — Чувствую.

Она достала телефон и набрала номер управляющей компании.

Гудок. Гудок. Гудок.

Щелчок.

«Здравствуйте! Вы позвонили в управляющую компанию "Комфорт-Сервис". Ваш звонок очень важен для нас. Время ожидания составляет два часа или одно полнолуние. Для связи с оператором нажмите один. Для связи с магическим отделом нажмите два. Для экзистенциального кризиса оставайтесь на линии.»

Таша повесила трубку.

— Экзистенциальный кризис, — повторила она. — Пожалуй, это ближе всего.

Файл запрыгнул на подоконник и уставился в окно. За стеклом над вечерним Липецком мерцало слабое, едва заметное голубоватое свечение. Как будто под городом кто-то включил ночник. Очень большой ночник.

Таша выключила свет на кухне, легла на диван и натянула плед до подбородка.

— Завтра, — сказала она в темноту. — Завтра разберёмся.

Файл спрыгнул с подоконника, прошёл по ней, как по мосту, и улёгся в ногах.

Под городом, глубоко-глубоко, Сердце Земли вздохнуло. Тяжело, протяжно, как спящий, которого разбудили слишком рано.

Трубы на кухне Таши тихо зазвенели в ответ.

И снова затихли.

Пока.

Глава 4. «Кот заговорил — день не задался»

Глава 4. «Кот заговорил — день не задался»

Четверг начался с того, что Файл заговорил.

Он не мяукнул и не мурлыкнул. Не издал тот душераздирающий утробный вой, которым обычно сообщал вселенной о пустой миске. Он просто сел на подушку в пяти сантиметрах от лица Таши, посмотрел на неё жёлтыми, немигающими глазами и с чёткой дикцией профессионального диктора произнёс:

— Татьяна Петровна. Мы должны серьёзно пересмотреть концепцию моего завтрака. Этот сухарь со вкусом картона унижает моё достоинство.

Таша дёрнулась и уронила телефон. Телефон упал на пол экраном вниз, но это её сейчас волновало меньше всего. Она смотрела на кота. Кот смотрел на неё.

В голове ведущего специалиста МФЦ Коржиковой судорожно загружался регламент. Согласно Федеральному закону №247-М, обычные немагические фамилиары не обладали голосовыми связками, адаптированными для человеческой речи. Следовательно, она либо спала, либо Файл нарушал административный кодекс.

— Что уставилась? — кот брезгливо дёрнул усом. — У тебя сейчас лицо менее интеллектуальное, чем у того кактуса на подоконнике. Воду дай. Только из бутылки. Из крана течёт какая-то синяя дичь со вкусом сахарной ваты. Я хищник, Коржикова, а не зубная фея.

Тишина в спальне стала осязаемой. Где-то на улице проехала машина. На подоконнике кактус Сидоров привычно кренился набок. Мир не перевернулся. Просто серый трёхкилограммовый кот с плоской мордой только что потребовал сервис уровня «премиум».

Таша медленно села на кровати.

Шаг первый в любой кризисной ситуации: проверить, не сошла ли ты с ума.

— Файл, — хрипло сказала она. — Скажи что-нибудь ещё. Для проверки связи.

Кот сел поудобнее, обернул хвост вокруг лап и прищурился.

— Ты храпишь, когда спишь на правом боку. Твоя привычка жрать эклеры в три часа ночи вызывает у меня экзистенциальную тоску, потому что я должен спать, а не слушать шуршание фольги. И да, те джинсы, которые ты купила на распродаже, тебя полнят. Ещё вопросы будут?

Таша выдохнула. Не сошла. Собственное подсознание, даже в состоянии острого психоза, выдумало бы кота, который делает комплименты, а не критикует её гардероб.

Шаг второй: звонок профильному специалисту.

Она свесилась с кровати, подняла телефон (экран покрылся паутиной трещин, но работал) и набрала номер Нины Павловны. Медиум сняла трубку после первого же гудка, что само по себе было подозрительно.

— Танечка? Доброе утро.

— Нина Павловна, — Таша не сводила глаз с Файла, который демонстративно начал вылизывать лапу. — У меня кот заговорил.

Пауза. Короткая.

— На каком языке?

— На русском. С претензиями к корму.

— Понятно. Молодильная вода?

— Видимо. Он пил из миски, а я наливаю из-под крана.

— Танечка, это сейчас по всему городу. Мне с утра уже три призрака доложили — на Тракторном кошки и собаки разговаривают. У Семихватова из подвала сосед-призрак приходил, жаловался, что соседский пудель обозвал его бездельником.

— Пудель обозвал призрака бездельником?

— У пуделей, оказывается, очень развитое чувство справедливости. Кто бы мог подумать. Мой тебе совет: не спорь с ним. Коты в спорах непобедимы, у них нет совести.

Таша положила трубку. Файл закончил с лапой и посмотрел на хозяйку с ожиданием.

Шаг третий: смирение.

Она встала, накинула халат и пошла на кухню. Файл бодро зацокал когтями следом.

— Имей в виду, — вещал он снизу, — тот корм в зелёной пачке пахнет тоской и переработанными клювами. Я хочу тот, из синей банки. С лососем.

— Файл, ты жрал зелёный корм два года и даже миску вылизывал! — возмутилась Таша, открывая шкафчик.

— Я не вылизывал, я плакал над ней от безысходности! — парировал кот. — Просто у меня морда невыразительная, ты не замечала.

Таша открыла банку с лососем и с размаху плюхнула паштет в миску. Воду налила из покупной бутылки.

Файл изящно подошёл к еде, понюхал, откусил кусочек.

— Ну вот, можешь же, когда захочешь. Кстати, ты сама-то бутерброд делать будешь?

— Да. Один. Я на диете.

— Ты на диете с прошлого вторника, Коржикова, — кот посмотрел на неё с искренней жалостью. — За это время ты съела четыре эклера, контейнер макарон, два салата с майонезом и один, — он выделил слово, — с оливковым маслом. Для очистки совести. Кого ты обманываешь? Меня или себя?

— Файл, — Таша оперлась руками о столешницу и наклонилась к коту. — Заткнись и ешь. Ты должен любить меня безусловно.

— Я кот, — философски ответил Файл, пережевывая лосося. — Я никого не люблю безусловно. Я люблю комфорт, тепло и свежую еду. А ты просто удачно вписываешься в эту экосистему. Сделай себе два бутерброда, женщина, и не порти нам обоим утро.

Таша сделала себе бутерброд. Один. Из принципа. Но с двойным сыром.

Таша съела бутерброд уже в пальто, одной рукой застёгивая пуговицы, другой придерживая телефон. Файл сидел на холодильнике и руководил процессом так, будто был не котом, а представителем жилищной инспекции.

— И воду из крана не пей, — напомнил он.

— Я уже поняла.

— Не факт. Ты человек. У вас с пониманием всегда сначала паника, потом отрицание, потом чай.

— А у вас?

— У нас сначала еда, потом сон, потом презрение. Очень эффективная система.

Таша взяла сумку, ключи и уже потянулась к двери, когда Файл снова подал голос:

— И паштет купи.

— Вечером.

— Не перепутай с тем, где индейка.

— Почему?

— Потому что индейка — это миф, маркетинг и обман трудового кота.

На лестничной площадке было подозрительно шумно. Обычно по утрам Сокол просыпался тихо и аристократично: эльфы шуршали листвой, кофе пах дороговато, соседи старались делать вид, что вообще не существуют. Сегодня же с первого этажа доносился женский визг, мужское «да я тебе говорю!» и собачий лай.

Татьяна Петровна спустилась на пролет ниже и увидела соседку с таксой. Таксу звали Груша, и раньше она производила впечатление существа философского и довольно молчаливого. Теперь же Груша стояла посреди лестничной клетки, упираясь лапами, и совершенно человеческим голосом выговаривала хозяйке:

— Я не пойду в этом ошейнике. Он мне не идёт. Он дешёвый и душит мою индивидуальность.

Соседка держала поводок обеими руками и выглядела так, будто уже внутренне записалась к психиатру.

— Таня! — вскрикнула она, увидев Коржикову. — Ты слышишь?!

— К сожалению, да, — честно ответила Таша.

Такса повернула к ней морду.

— Хотя один адекватный человек в этом доме. Скажите ей, что розовый — не мой цвет. Я серьёзная собака. У меня вытянутая фигура и сложный внутренний мир.

Таша посмотрела на таксу. Потом на ошейник. Потом снова на таксу.

— Груша, я с вами полностью согласна. Но мне на работу.

— Всем вечно некогда, — обиженно сказала такса. — А потом удивляются, почему у собак депрессия.

На улицу Татьяна Петровна вышла с очень странным чувством. Когда дома у тебя заговорил кот, ещё можно предположить личный нервный срыв. Когда на лестнице спорит такса — это уже система.

На остановке она стояла и думала о том, что мир окончательно рехнулся. Автобус 315-й опоздал на десять минут. Когда он подъехал, из дверей вывалился взмыленный водитель и заорал:

— Граждане, у кого в сумках говорящие животные — держите их при себе! У меня попугай пассажирки всю дорогу комментировал мой стиль вождения!

В салоне действительно сидела женщина с клеткой на коленях. Попугай прижался к прутьям и вещал на весь автобус:

— Поворотник! Поворотник включи, водила! Ты по правам едешь или по навигатору?!

— Уберите его, — взмолился водитель. — Или я его в Горводоканал сдам. Пусть там трубы комментирует.

Таша села у окна, закрыла глаза и подумала: «Среда была странной. Четверг будет хуже». Она не ошиблась.

В МФЦ её встретил Лёха. У него был вид человека, который всю ночь не спал, но не от бессонницы, а от восторга.

— Тань! Тань, ты не поверишь! У меня хомяк заговорил!

— У тебя есть хомяк?

— С марта. Борис. Он вчера ночью постучал по стеклу аквариума и сказал: «Колесо скрипит. Смажь.»

— И ты смазал?

— Я сначала сел на пол и минуту дышал в пакет. Потом смазал. Борис сказал «спасибо» и ушёл спать. Таш, это же контент на миллион просмотров!

— Лёха, если ты выложишь видео с говорящим хомяком, у тебя будут не просмотры, а визит из Роспотребнадзора.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

Зарина Маратовна была уже на месте. Она стояла в своём кабинете, разговаривала по двум телефонам одновременно и выглядела так, будто мысленно составляет расстрельный список.

— Коржикова, — она прикрыла трубку ладонью. — У нас лавина. Тракторный, Сокол, центр. Говорящие животные, молодеющая мебель, бабушка из девятого дома помолодела до сорока лет.

— Что?

— Бабушка. Кукушкина. Антонина Фёдоровна. Помнишь, которая борщ варила? Она этой водой умылась. И проснулась сегодня утром в теле сорокалетней женщины. Сейчас сидит в приёмной и требует пересчитать пенсию.

— Ей же семьдесят два...

— Было семьдесят два. Сейчас она выглядит моложе меня. И у неё, я цитирую, «колени не хрустят впервые за тридцать лет». Она в восторге, но пенсию терять не хочет. Иди разбирайся.

Окно номер двадцать шесть открылось ровно в восемь ноль-нуль, и к нему немедленно выстроилась очередь, которая выглядела как съезд клуба анонимных сумасшедших.

Антонина Фёдоровна сидела в кресле у окна двадцать шесть. Точнее, сидела женщина, которую Таша не узнала бы, если бы не авоська с банками и не фирменный пуховый платок.

— Антонина Фёдоровна? — осторожно спросила Таша.

— А кто ж ещё, милая? — ответил знакомый голос из незнакомого лица. Лицо было гладкое, румяное, без единой морщины. Руки — крепкие, без пятен. Глаза — ясные, как у студентки.

— Вы... помолодели.

— Да ты что? — Антонина Фёдоровна хохотнула. — А я думала, это у меня уютный новый. Таша смотрела на неё и не знала, смеяться или плакать.

— Антонина Фёдоровна, как это произошло?

— Да как, как. Воду горячую вчера отключили, я холодной умылась. Из крана. А она сладкая такая, приятная. Я ещё подумала — надо же, отличная вода стала, что ли фильтры поменяли. Легла спать. А утром встала — и вот.

— И вы хотите...

— Пенсию, Татьяна. Пенсию. Я сорок лет отработала на трубном заводе. Я свою пенсию заслужила. А теперь что? Мне новый паспорт делать? С новым лицом? А старые документы? А поликлиника? Они же меня не примут!

Таша представила масштаб проблемы и почувствовала, как бутерброд с двойным сыром тяжело ворочается в желудке. Если молодильная вода добралась до обычного водопровода и люди начали молодеть бесконтрольно — это уже не коммунальная авария. Это кризис. Документальный, юридический и экзистенциальный одновременно.

— Антонина Фёдоровна, я оформлю ваше заявление, — сказала Таша. — Но предупреждаю: прецедентов нет. Закон не предусматривает ситуацию, когда гражданин молодеет на тридцать лет за одну ночь.

— А закон предусматривает, что из крана течёт магическая вода?

— Тоже нет.

— Ну вот. Тогда выдумывайте. Вы же тут для этого и сидите.

После Антонины Фёдоровны было ещё хуже.

К окну подошёл хмурый мужчина в пиджаке поверх спортивной футболки. В руках он держал переноску, из которой доносилось ритмичное и очень недовольное сопение.

— Доброе утро, — Татьяна Петровна дежурно улыбнулась. — Слушаю вас.

— Я хочу оформить смену собственника на квартиру, — сказал мужчина, ставя переноску на край стола.

— Документы?

— Документы у меня есть. Проблема в другом. Мой мопс против.

Из переноски высунулась кудрявая белая морда и отчётливо, с лёгкой картавостью, произнесла:

— Я не против продажи, Валерий. Я против того, чтобы мы переезжали в район без нормальных парков. Там негде гулять приличной собаке. Одна арматура и гномы с кувалдами. Мои нервы этого не выдержат.

Таша посмотрела на мопса. Мопс посмотрел на Ташу.

— Девушка, — обратился к ней пёс. — Объясните этому человеку, что собака — полноправный член семьи. У меня лапки, но у меня есть права.

— У вас нет прав собственности, — автоматически ответила Таша, доставая бланк. — Вы имущество.

— Я имущество?! — возмутился мопс. — Я утешал его после развода! Я доедал его горелые сосиски три года! Да я в эту квартиру душу вложил!

Мужчина виновато развёл руками.

— Вот так с самого утра. Выпил воды из-под крана — и всё. Теперь он требует отдельную комнату и право вето на выбор обоев. Я не могу продать квартиру, пока он мне мозг выносит. Выпишите мне какую-нибудь справку, что его согласие не нужно.

— Форма 4-А, — вздохнула Таша, протягивая лист. — Заявление об отсутствии обременений со стороны домашних животных. Заполняйте. Мопс расписываться умеет?

— У него лапки! — напомнил мопс с достоинством.

— Значит, ставите прочерк.

Дальше дурдом продолжился.

У семьи из Тракторного водопроводные трубы в квартире «помолодели» до состояния заводских и поменяли конфигурацию. Холодная вода теперь шла из горячего крана, горячая — из сливного бачка, а из душа лилось что-то голубое с запахом ландышей.

— Мы не можем помыться! — жаловалась хозяйка. — Муж полез чинить — труба его обрызгала, и у него морщины на лбу разгладились. Он сначала обрадовался, а потом испугался, что помолодеет до ребёнка.

— До ребёнка — вряд ли, — сказала Таша, хотя уверенности в голосе не было. — Оформляем.

Город тонул в синей воде, и спасательного круга пока не предвиделось.

В одиннадцать появился Семён. Не один — за ним шли двое хмурых мужиков в спецовках и тащили на тележке какой-то прибор, похожий на помесь стиральной машины и телескопа.

— Татьяна Петровна, — Семён подошёл к её окну. Выглядел он так, будто не спал двое суток. Под глазами тени, щетина гуще, чем вчера. Но голос был тот же — спокойный, ровный. — У нас проблема серьёзнее, чем казалось.

— Насколько серьёзнее?

— Молодильная вода просачивается в обычную водопроводную систему через трещины в породе. Не в одном месте — в десятках. По всему городу. Кто-то или что-то давит на подземный магический горизонт снизу. Давление растёт.

— Что это значит?

— Это значит, что заглушками и изоляцией мы больше не обойдёмся. Мне нужен доступ ко всем вашим заявлениям. Карта обращений — по адресам, по датам. Чтобы понять, откуда идёт основной прорыв.

— Я подготовлю.

— Спасибо. И ещё, Татьяна Петровна...

— Да?

Семён помялся. Это было настолько ему несвойственно, что Таша насторожилась.

— У вас дома... вода тоже сладкая?

— Да, — тихо ответила она. — С вечера вторника.

— Не пейте. И не умывайтесь из-под крана. Купите бутилированную.

— Уже купила.

— Хорошо. И... — он замялся снова. — Если у вас кот заговорил, это нормально. В смысле, не нормально, но это побочный эффект. Не пугайтесь.

— Я не пугаюсь, — сказала Таша. — Я в ужасе. Но организованном.

Семён посмотрел на неё и впервые за всё их знакомство улыбнулся. Не широко — просто дрогнул уголок рта. Но Ташу этот дрогнувший уголок почему-то согрел больше, чем четыре эклера.

День прошёл как в тумане. Заявления. Звонки. Паника граждан. В два часа дня в МФЦ ворвалась женщина с пуделем на поводке. Пудель сел у входа и громко сказал Руслану Ибрагимовичу:

— Здравствуйте. Мне нужна справка о регистрации по месту жительства.

Руслан посмотрел на пуделя. Потом на хозяйку. Потом снова на пуделя.

— Не шуми, — сказал он.

Пудель обиженно замолчал.

К вечеру Таша приняла тридцать одно заявление. Рекорд.

В шесть часов Зарина Маратовна вызвала Ташу к себе. Кабинет начальницы был маленьким, но идеально организованным — как сама Зарина. Ни одной лишней бумажки на столе, ни одной пылинки на жалюзи. Единственная вольность — фотография рыжего кота в рамке на подоконнике.

— Садись, Коржикова, — Зарина указала на стул. — Разговор серьёзный.

Таша села. Стул скрипнул.

— Ситуация следующая, — Зарина сложила руки перед собой. — Администрация города создаёт рабочую группу по ликвидации последствий аномального водоснабжения. Горводоканал выделяет инженерную бригаду. МФЦ — координационный центр по работе с обращениями граждан. И координатором от нас назначаешься ты.

— Я? — Таша моргнула.

— Ты, Коржикова. На тебя возлагается координация между МФЦ и Горводоканалом по всем заявлениям, связанным с аномальной водой. Будешь работать напрямую с Трубниковым. Это не повышение. Это наказание. Но с премией.

— Зарина Маратовна, почему я?

— Потому что ты единственная в этом здании, кто не рыдает, не орёт и не увольняется. У меня Лёха снимает тиктоки с говорящими хомяками, Нина Павловна беседует с призраками о конце света, а стажёрки прячутся в туалете с восьмью утра.

Зарина помолчала и добавила тише:

— И потому что ты умеешь, Коржикова. Ты умеешь находить выход там, где его нет. Ты из тролля поэта сделала, из чугунной трубы — акт осмотра, из синей лужи — входящий документ с номером. Мне нужен человек, который превращает хаос в бумагу. А бумагу — в порядок.

Таша молча смотрела на начальницу. В горле стоял ком. Не от страха. От чего-то другого. Может быть, от благодарности.

— Иди, — Зарина отвернулась к окну. — И не ешь на нервах. У тебя блузка по швам трещит.

Таша встала.

— Она трещит от ответственности, Зарина Маратовна. Не от еды.

— Это одно и то же, Коржикова. Иди.

Дома Файл ждал на кухонном столе. Рядом с ним стояла пустая миска и бутылка минералки, которую он каким-то образом открыл самостоятельно.

— Как день? — спросил кот.

— Паршивый. Меня назначили спасать город.

— Логично. Больше некому.

— Спасибо за поддержку.

— Пожалуйста. Корм купила?

— Забыла.

— Тогда поддержка отменяется.

Таша села на диван, поджала ноги и уставилась в потолок. Завтра ей предстояло начать координацию между муниципальным учреждением и водоканалом в условиях магической катастрофы, масштаб которой она пока не до конца понимала.

Она была чиновник. Не маг. Не воин. Не избранная. Просто женщина с ипотекой, вредным котом и умением находить нужный пункт в регламенте.

Но именно такие люди спасали мир каждый день. Тихо. Без фанфар. Между обедом и приёмом граждан.

На кухне из крана упала синяя капля. Зазвенела.

Файл поднял ухо.

— Начинается, — сказал он.

— Что начинается? — спросила Таша.

— Не знаю. Но шерсть дыбом.

В темноте за окном над Липецком мерцало едва заметное голубое зарево.

Глава 5. «Совещание, которое всё изменило»

Глава 5. «Совещание, которое всё изменило»

Пятница, администрация города Липецка. Третий этаж, конференц-зал номер два.

Таша сидела на жёстком казённом стуле и чувствовала себя не в своей тарелке. Причём тарелка была чужая, дорогая и явно не рассчитанная на её габариты. Стул, к слову, тоже — он был узкий, с подлокотниками, и Наталья Петровна вписалась в него с точностью пробки в бутылочное горлышко. Встать без посторонней помощи будет проблемой. Но об этом она подумает потом.

Зарина Маратовна отправила её на совещание со словами: «Ты координатор, вот и координируй. Протокол веди, рот не открывай, слушай внимательно. Если спросят мнение МФЦ — говори "ситуация на контроле". Универсальная фраза, подходит к любому апокалипсису».

Конференц-зал был большим, казённым и пах тем специфическим ароматом, который бывает только в государственных учреждениях: смесь старого паркета, кофе из термоса и застарелого бюрократического страха. За длинным столом, покрытым зелёным сукном, рассаживались люди и нелюди, от которых зависела судьба липецкого водоснабжения.

Во главе стола — Виктор Степанович Горохов, замглавы администрации по ЖКХ. Лысый, потный, в костюме, который был ему велик в плечах и мал в талии. Выражение лица — «я на пенсию через два года, зачем мне это».

Справа от него — директор Горводоканала Пётр Ильич Краснов. Седой, сухой, с лицом человека, который тридцать лет чинил трубы и теперь искренне не понимал, почему они начали петь.

Рядом с Красновым сидел Семён. Он кивнул Таше. Она кивнула в ответ. На этом их утренний ритуал был исчерпан, но почему-то от этого кивка стало чуть спокойнее.

Напротив Семёна расположился Артур Леонидович Чистяков. Директор компании «АкваВита» — монополист по добыче и продаже молодильной воды. Подтянутый, загорелый, в костюме, который стоил больше, чем Ташина месячная зарплата. Выглядел он лет на тридцать пять, хотя по паспорту ему было пятьдесят два. Пил свою продукцию, видимо, без ограничений. Улыбка у него была как у менеджера автосалона — широкая и совершенно пустая.

Дальше по столу — представитель НЛМК, молчаливый мужчина в очках, который за всё совещание произнесёт ровно четыре фразы, и все четыре будут начинаться со слов «комбинат не несёт ответственности».

Шамиль Водяной сидел на специальном стуле с поддоном — зеленоватый мужик с бородой из водорослей, в резиновых сапогах и официальном пиджаке поверх мокрой рубашки. От него пахло речной водой и илом. Под стулом натекла лужа. Уборщица тётя Клава уже дважды заглядывала в дверь с ведром и шваброй и оба раза уходила, матерясь.

И наконец — Дорин Глубокорой, старейшина гномов Липецка. Ему было триста восемьдесят лет. Борода — белая, до пола, заплетённая в шесть кос. Ростом он едва доставал до края стола, поэтому сидел на трёх подушках, сложенных стопкой, и всё равно выглядел так, будто именно он тут главный. Потому что, вероятно, так оно и было.

Горохов откашлялся.

— Итак, коллеги. Ситуация. Молодильная вода проникла в систему централизованного водоснабжения. На текущий момент затронуты шесть районов. Население... взволновано.

— Взволновано — это мягко, — буркнул Краснов. — У меня телефон не замолкает с понедельника. Люди звонят и спрашивают, можно ли пить воду из крана. Я говорю — нежелательно. Они спрашивают — а если уже выпили? Я говорю — обратитесь к врачу. Они гово-

рят — врач тоже выпил и помолодел на двадцать лет, теперь не может вспомнить, где у него диплом.

— Пётр Ильич, — Горохов поднял руку. — Давайте по порядку. Причина прорыва установлена?

— Трубы не виноваты, — твёрдо сказал Краснов.

— Комбинат не несёт ответственности, — немедленно добавил представитель НЛМК.

— А кто несёт? — поинтересовался Горохов.

Молчание. Все посмотрели друг на друга. Потом на Шамиля. Водяной поёрзал на стуле, и лужа под ним расширилась.

— Источник давит, — сказал Шамиль хриплым, булькающим голосом. — Снизу. Давление в магическом горизонте выросло втрое за последнюю неделю. Вода ищет выход и находит его через трещины в породе. Оттуда — в городские коммуникации.

— Почему давление выросло? — спросил Горохов.

— Потому что Источник живой, — Шамиль развёл мокрыми руками. — Он не машина. Он не кран, который можно закрутить. Он дышит, он чувствует. И сейчас он... беспокоится.

— Беспокоится?! — Чистяков подался вперёд. — Это вода, а не пенсионер в поликлинике! Нужно просто перекрыть подачу. Закрыть все скважины, загерметизировать трещины, поставить заглушки на магистрали. Проблема решена.

Шамиль посмотрел на Чистякова так, как рыба смотрит на червяка — с пониманием, но без уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.